

**РОССИЯ И КИТАЙ:
ВОЗМОЖНОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ***

А. В. Шалак

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

**RUSSIA AND CHINA:
OPPORTUNITIES FOR STRATEGIC COOPERATION
THROUGH THE PRISM OF REGIONAL TIES**

Alexander V. Shalak

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Китай — одно из динамично развивающихся государств современного мира. Он является мировой фабрикой по производству товаров. Страна успешно осваивает и современные технологии. Китай — это еще и древнейшее и самое крупное государство по численности населения, в чем также кроются его огромные резервы и преимущества, в связи с чем интерес к этой стране в последние десятилетия вырос многократно. Если во второй половине XX в. о Китае писали специалисты, как правило, представляющие академическую науку, то в настоящее время количество публикаций об этой стране стабильно растет. К осмыслению китайского феномена подключаются ученые не только известных академических заведений, но и страны в целом. Прошедшая в 2015 г. VII международная научно-практическая конференция на базе Забайкальского государственного университета является одной из многих подобных конференций, посвященных осмыслению актуальных проблемам развития современного Китая. Для Забайкальского края интерес к Китаю имеет прикладное значение, поскольку это приграничный регион, активно развивающий торговлю и разнообразные контакты с Китаем. В условиях дезинтеграционных процессов в российском экономическом

пространстве, отсутствии какой-либо внятной стратегии развития, Китай оказывает все возрастающее влияние не только на хозяйственное развитие Забайкалья, но и на социально-политическую ситуацию в регионе. Поэтому интерес представителей научного сообщества Забайкалья к своему могучему соседу вполне закономерен.

В изданных материалах конференции наибольшую ценность представляет анализ проблем, существенно влияющих на хозяйственное развитие приграничных регионов. Без такого анализа вряд ли можно осуществить стратегическое планирование, обнаружить и нейтрализовать нарастающие угрозы и вызовы со стороны Китая. Спрогнозировать их можно только глубоко понимая современную стратегию Китая, его социокультурные особенности, трезво учитывая уровень региональной экономики, ее потенциальные возможности, а также общее состояние экономики страны. Малое невозможно определить без большого, поэтому во всех выводах относительно Китая важно понимать смысловые и содержательные характеристики его современной стратегии, концептуальное осмысление китайской элитой современного мира, учитывать на каких основах она предлагает его «гармонизировать». С этих позиций вполне законо-

* Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации : материалы VII Международ. науч.-практ. конф. Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2015. 235 с.

мерно неоднократное обращение авторов сборника к анализу данной проблемы. Они акцентируют внимание на том, что с начала XXI в. китайские лидеры не единожды призывали международное сообщество создать «гармоничный мир совместного процветания». Этот мир должен быть основан на социальной гармонии, единстве, взаимной помощи, хороших отношениях с соседними государствами. Все страны должны жить в гармонии друг с другом (с. 11–12, 16). Китайская элита не скрывает, что обоснование предложенной стратегии основано на конфуцианских традиционных ценностях и приверженности «золотой середины», т. е. Китай, с одной стороны, собственное развитие видит только в рамках сохранения своей цивилизационной целостности, а с другой — он готов терпимо относиться к другим культурам и системам ценностей. «Гармония» как внешняя стратегия — есть поиск «золотой середины», что естественно отрицает мондиалистскую доктрину Запада. Причем, как отмечают авторы, стратегия непрерывного социокультурного развития, соответствующая условиям и вызовам глобализации, с середины 1990-х гг. стала определяющей (с. 14). Очевидно, что такое ценностное переустройство мира явно не лежит в плоскости современной парадигмы международных отношений, направленной на обслуживание интересов Запада и созданной им валютно-финансовой системы.

С позиций такого понимания стратегии Китая, между ним и Россией должно быть гораздо больше общего, чем конфликтных зон. Тем более, что обе страны заинтересованы в поиске ответа на те вызовы и угрозы, которые несет глобализация под контролем западных финансовых институтов и навязывания западной модели капиталистического развития. В российских средствах массовой информации в последние годы очень часто делается акцент именно на этой объективной основе межгосударственного взаимодействия. Однако проведенный авторами сборника анализ приграничного сотрудничества России и Китая в самых различных сферах свидетельствует, что оснований для таких оптимистических выводов пока крайне мало.

Взаимодействие двух стран в реализации совместных проектов, развитие контактов и связей в приграничных районах должно базироваться на правовой основе. Авторы материалов сборника неоднократно обращаются к анализу этой проблемы, но пока социокультурные трактовки права

двух стран существенно отличаются. Российская политическая и правовая система в постсоветский период трансформирована в соответствии с западными стандартами, Китай же по-прежнему ориентируется на традиционную систему, отвергая навязываемые «универсальные стандарты». В этом смысле важным элементом сотрудничества выступает взаимное знание трудового права взаимодействующих государств. Авторы сборника обращают внимание на то, что социальные гарантии в Китае обеспечивает государство, при этом предлагает их в виде увеличения числа рабочих мест, в форме инвестиций в развитие инфраструктуры. Общегосударственные вопросы труда определяет и разрешает ведомство трудовой администрации Государственного совета. По мере роста доходов населения, растет и количество китайских граждан, способных финансировать личные социальные программы (с. 28). Трудно не согласиться с выводами авторов о том, что поскольку интеграционные процессы в приграничных регионах имеют отношение к процессам в сфере трудовых ресурсов, научные изыскания в этой области должны вестись. Они представляют практический интерес не только для России, но и для всех участников Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Евразийского экономического союза (с. 31).

В деле развития двухсторонних отношений на любом уровне в настоящее время немаловажное значение имеет сам фактор восприятия той или иной страны. Концепция «мягкой силы» в современном Китае придает этому важное значение. Китайское руководство осознает, что в данном направлении им сложно пока оспорить лидерство США, однако и здесь Китай ищет свой путь. Он явно вдумчивый, осторожный и контрастно отличающийся от США. Есть здесь чему поучиться и России.

В современном Китае стремятся разделить культурные процессы на две составляющие: «дело культуры» и «индустрия культуры». Первая составляющая относится к компетенции государства, деятельность в этой сфере предполагает сохранение и развитие уникального культурного потенциала страны. Именно в рамках этой духовной составляющей Коммунистическая партия Китая мыслит строительство социализма с китайской спецификой. «Индустрия культуры» связана с производством «культурного продукта» массового потребления для определенной целевой аудитории, что

естественно предполагает и извлечение прибыли (с. 35). Такой подход позволяет утверждать, что в Китае осознают опасности коммерциализации культуры и поэтому государство контролирует культурную сферу, не превращая повсеместно все и вся в нечто называемое в России «услугами». Коммерциализация культуры неизбежно приведет к тому, что культурные продукты Китая окажутся под влиянием «мягкой силы» западных государств, которые технологически в этих вопросах сегодня оказываются вне конкуренции. Поэтому, идя на расширение так называемой «индустрии культуры», Китай одновременно стремится обезопасить свой «культурный код».

С точки зрения авторов, в Китае разрабатывается собственная система развития культурной сферы, обеспечивающая успешное продвижение китайской продукции на мировом рынке, укрепление имиджа страны при одновременном сохранении культурного ядра китайской общности (с. 40).

Следует отметить, что к культурно-духовной тематике в опубликованном сборнике обращаются многие авторы и этот интерес не случаен. Ориентация на «мягкую силу» для позиционирования любого государства на международной арене имеет большое значение, но для Китая проблема состоит еще и в том, что мощь его вооруженных сил не соответствует экономической потенциалу. Однако и выбор в пользу «мягкой силы» требует концептуального оформления многих культурно-политических и исторических явлений современного Китая с целью придания ему позитивного и привлекательного образа, и Китай в этом направлении многое делает. Известно, например, что удельный вес ханьцев в населении страны составляет не менее 90 %. По сути это моноэтнический народ. Остальные этносы, проживающие в Китае, называются этническими группами и таковых официально насчитывается 56. Однако, несмотря на доминирующую роль ханьцев, остальные малочисленные этнические группы отнюдь не игнорируются. Наоборот, они провозглашаются составными частями «единой китайской нации», у всех китайских этносов, включая ханьцев, одна общая история. Отличаются они лишь тем, что в процессе исторического развития отдельные группы населения приобрели специфические черты культуры (с. 87). Судя по всему, Китай умеет извлекать для себя уроки из истории советского прошлого, поэтому акцент на общей

исторической судьбе и единой нации — это антитеза как прошлому советскому опыту, так и настоящей российской действительности. Поэтому трудно не согласиться с мнением авторов, что современные процессы конструирования образов этнической идентичности в Китае представляют «не только идеологически выверенные тексты, но и методологию проведения этно-культурной политики, нацеленной на получение максимально эффективного результата» (с. 90).

С этих же позиций Китай не готов слепо следовать западным политико-правовым ценностям, которые внедряются в «международное право». Например, если на Западе демократия — это политическая система, то в Китае всего лишь «один из методов административного управления», поскольку Китай не может игнорировать тысячелетние традиции императорской власти (с. 197–198). Китай успешно развивается, а это означает, что проблема организации власти в стране оптимально решена. Данный прагматизм разительно отличается от российской действительности, в которой власть догматически следует западному образцу демократии, что не позволяет стабилизировать ситуацию, объединить элиту вокруг общего дела.

Авторы сборника отмечают, что политический диалог между Россией и Китаем выстраивается по нескольким позициям: экономической, политической и общественной. При этом интерес представляет точка зрения авторов на проблемы, по которым позиции стран не совпадают, в частности, отмечается, что это связано с ШОС. По мнению китайской стороны, Россия стремится активизировать свою роль в Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийском экономическом сообществе, в которых она играет ключевую роль и через которые добивается контроля над странами Центральной Азии. Однако претендовать на лидирующую роль в ШОС в силу объективных обстоятельств (состояние экономики) Россия не может. Поэтому эта организация используется российским государством как дополнительный канал поддержания отношений с Китаем, и пока деятельность ШОС не направлена на реализацию каких-либо значимых совместных проектов (с. 44). Таким образом, несмотря на многие совместные решения в области развития двухсторонних торгово-экономических отношений, в том числе и перевода расчетов в торговле на национальные валюты, большинство из них на практике

не реализуется. Особенно хотелось бы в связи с этим отметить потребность в осуществлении последнего проекта. Дело в том, что, производя расчеты в торговле за американскую валюту, накапливая валютные резервы в этой же денежной единице, Россия и Китай фактически спонсируют военные расходы США, покрывают огромный дефицит их государственного бюджета. В условиях современной геополитической ситуации, когда Россия объявлена государством, представляющим для американского руководства, наряду с «международным терроризмом» и африканской лихорадкой, основную опасность, совместная деятельность в этом направлении России и Китая смогла бы отрезвить американскую элиту. Во многом это зависит от политической воли китайского руководства, поскольку экономическая мощь Китая намного превосходит потенциальные возможности других членов ШОС.

Авторы сборника подчеркивают значение Китая для развития экономики Сибири и Дальнего Востока. На долю этих регионов приходится более 70 % всего российского экспорта в Китай и 25 % импорта. Экономика таких приграничных регионов, как Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область тесно связаны с Китаем, что де-факто является благополучием этих регионов, которое определяется не сотрудничеством с остальной частью России (с. 45). В этом смысле следует констатировать, что данные регионы, территориально-географически оставаясь субъектами Российской Федерации, превращаются в часть экономического пространства Китая.

Перспективы в этом направлении далеко не благоприятны для России. Только за 1990–2012 гг. валовой внутренний продукт Китая вырос на 760 %, а подушевой — на 623 %. (с. 93–94). Такие темпы экономического развития вызывают огромную потребность в сырье и энергоресурсах, которыми богаты многие приграничные российские регионы. Поэтому товарооборот России с Китаем не может являться равноценным. Китай вывозит из России нефть, газ, металлы, электроэнергию и другое сырье, а в Россию из Китая ввозится в основном оборудование и продукция легкой промышленности. Проблема здесь не столько в Китае, сколько в сегодняшних возможностях российской экономики, не позволяющей переориентировать торгово-экономические отношения на сотрудничество в области высокотехнологичной продукции. Такая ситуация влечет

за собой не только превращение приграничных районов в сырьевые придатки китайской экономики, при современных тенденциях такая же роль уготована и России.

Думается, можно согласиться с мнением авторов, что в настоящее время перспективы в области торгово-экономического сотрудничества связаны не столько с возможностями развития общих проектов, сколько с «необходимостью совместного противодействия внешней политике США и американской претензии на мировую гегемонию» (с. 101). Именно это в большей степени стимулирует взаимодействие России и Китая, и, что особенно важно подчеркнуть, в отдельных областях сотрудничество рассчитано на длительную перспективу.

Таким образом, вынужденная необходимость противостоять превосходству США объективно работает на сближение двух стран. Вопрос о том, сможет ли Россия в рамках этого сближения наладить равноценное торгово-экономическое партнерство, остается открытым. Пока такое развитие событий больше отвечает интересам Китая, поскольку Россия увеличивает поставки сырья и энергоресурсов в Китай и именно в этой области сотрудничество приобретает долгосрочный и стратегический характер, но одновременно закрепляет за Россией роль сырьевого придатка китайской экономики. В условиях отсутствия таких же долгосрочных проектов в области высокотехнологичной продукции снижаются шансы на сбалансированные торгово-экономические отношения между странами.

Оценивая динамику производства внутренней региональной продукции приграничных регионов в контексте Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 г., Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г., а также Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китая на 2009–2018 гг., авторы сборника отмечают, что одним из основных направлений достижения социально-экономического подъема в этих регионах является освоение природных ресурсов территорий. Большинство совместных инвестиционных проектов связано с добычей и первичной обработкой сырьевых ресурсов в приграничных районах России, а их более глубокая переработка будет осуществляться на территории Китая, следовательно, там же и будет создаваться добавленная стоимость. Развитию же

инфраструктуры и производств в приграничных регионах не уделяется должного внимания (с. 113). Основными видами деятельности китайских компаний-инвесторов являются мелкооптовая торговля, сфера услуг, лесозаготовка и производство лесоматериалов, строительство, разработка месторождений полезных ископаемых и их добыча, ресторанный бизнес (с. 120).

Анализ китайских инвестиций в российскую экономику на примере Байкальского региона свидетельствует, что пока никаких серьезных подвижек в этом вопросе со стороны Китая не просматривается. Китай сегодня активно включился в инвестиционные проекты в других государствах, но Россию они обходят стороной. Об этом достаточно красноречиво говорит тот факт, что на Россию пришлось не более 2,5 % внешних инвестиций Китая в 2014 г., да и те в виде кредитов российским компаниям, осуществляющих строительство нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан», т. е. это были вложения в сырьевой проект.

Попытки авторов сформулировать причины такого положения особой ясности в этот вопрос не вносят. Очевидно, что дело здесь не столько в рейтингах инвестиционной привлекательности или имидже регионов. Доступ к ресурсам — это вопрос геополитический. Контролировать торгово-экономическое пространство способны только сильные государства. Поэтому Россия «интересна» другим как источник сырья, но не как государство, способное расширять свое торгово-экономическое пространство и извлекать добавочную стоимость. Если с этой точки зрения с позицией западных стран все ясно, то выжидательная позиция Китая во многом будет диктоваться внешнеполитической стратегией США. Претензии России на самостоятельную роль не могут устраивать ни США, ни Китай: с кем быть России, решается в основном отношениями между этими странами. В подобных условиях России стоит озаботиться не столько повышением инвестиционной привлекательности и формированием положительного имиджа, сколько разработкой собственной стратегии экономического развития с опорой на собственные силы. Валюту от продажи сырья нужно инвестировать не в американские долговые казначейские облигации, а в закупку технологий и оборудования, без чего невозможно будет осуществить модернизацию российской экономики. Уповать на невидимую руку рынка, привлечение инвестиций со стороны

других государств геополитически наивно, а для экономики это чревато дальнейшей стагнацией и разрывом экономического пространства.

Авторы сборника указывают также на разницу в развитии транспортных коммуникаций: с начала 1980-х гг. до 2013 г. плотность только автомобильных дорог в Китае на 1 000 км² увеличилась более чем в 4 раза и составила 402,25 км. В России этот показатель равнялся 36,5 км и практически не изменился с советских времен (с. 134). Виной этому не имидж России и ее инвестиционная непривлекательность, а отсутствие политической воли у руководства развивать ее пространство. Если оно не будет стянуто транспортными скоростными магистралями, не станет быстрым и мобильным, то никогда не приобретет и «инвестиционной привлекательности». Частный бизнес или инвестор со стороны строить подобные коммуникации никогда не будет. Как свидетельствует мировой опыт, такие проекты реализовывались государством при поддержке региональных бюджетов. Однако, в России многие заявленные проекты в различных областях не осуществляются, и в этом причина нынешнего состояния российской экономики.

Авторы сборника попытались на основе обзора китайского информационного агентства «Синьхуа» о наиболее важных событиях за 2014 г. выявить проблемы, которые Китай считает для себя наиболее значимыми, и соотнести их с российской версией. В качестве эпохальных событий выделяются предложенные Китаем в 2014 г. инициативы об «экономическом поясе Шелкового пути» и «морском Шелковом пути XXI века» — проекты расширения объема грузоперевозок между Азией и Европой, что обеспечит Китаю установление более тесных отношений с Европой. Это действительно геополитические проекты, реализация которых окончательно превратит Россию в транспортный тупик. В то же время подписанные во время визита В. В. Путина в Китай энергетические контракты «Синьхуа» даже не упоминаются, и это не случайно. В настоящее время не только для Китая, но и других экономик Азиатско-Тихоокеанского региона Россия не является ведущим партнером во внешней торговле (с. 186). Эти объективные реалии, с точки зрения авторов, не позволяют утверждать, что Китай будет союзником России, на политическую поддержку Китай пойдет лишь в том случае, если ему это будет выгодно самому (с. 187).

Таким образом, экономического инструментария воздействия на Китай в настоящее время Россия не имеет. Ее явно ограниченные экономические возможности

ведут к геополитической неопределенности. В таких условиях приграничные регионы могут сохранять только роль «экономики трубы».

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalak-av@bgu.ru.

Author

Alexander V. Shalak — DSc in History, Professor, Head of the Department of History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Shalak-av@bgu.ru.

Библиографическое описание статьи

Шалак А. В. Россия и Китай: возможности стратегического сотрудничества через призму региональных связей / А. В. Шалак // Известия Байкальского государственного университета. — 2017. — Т. 27, № 2. — С. 292–297. — DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).292-297. — Рец. на кн.: Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. — Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2015. — 235 с.

Reference to article

Shalak A. V. Russia and China: opportunities for strategic cooperation through the prism of regional ties. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 292–297. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).292-297 (In Russian).